



Научно-исследовательский журнал «*Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 5 / 2025, Iss. 5 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-93

Социальная и психологическая инициация героев-сирот в повести С. Востокова «Коза и великаны»

¹Маринченко А.Д., ¹Шабалина Н.Н., ¹Сафина А.Р., ¹Софронова С.А.,
¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению становления личности в ходе инициального обряда детей-сирот в художественной литературе. В качестве примера рассматривается героиня Соня Козлова из произведения Станислава Востокова «Коза и Великаны». Цель – проследить, какие факторы влияют на становление личности подростка оставшегося без попечения родителей, выявить этапы социально-психологической инициации. Задачи: рассмотреть, как понятие инициации представлено в художественной литературе и его значение для формирования личности ребёнка, выявить основные этапы социальной и психологической инициации, через которые проходит герой, и их влияние на его личностное развитие. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: инициация является неотъемлемой частью русской культуры, инициация находит свое отражение в современной юношеской литературе; в процессе инициации ребенок становится психологически зрелым, способным функционировать в мире взрослых людей.

Ключевые слова: социальная инициация, психологическая инициация, детство, ритуал, герой-подросток, детскоЯношеская литература, С.В. Востоков

Для цитирования: Маринченко А.Д., Шабалина Н.Н., Сафина А.Р., Софронова С.А. Социальная и психологическая инициация героев-сирот в повести С. Востокова «Коза и великаны» // *Modern Humanities Success*. 2025. № 5. С. 47 – 52.

Поступила в редакцию: 5 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Social and psychological initiation of orphan heroes in S. Vostokov's story «The Goat and the Giants»

¹Marinchenko A.D., ¹Shabalina N.N., ¹Safina A.R., ¹Sofronova S.A.,
¹Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article is dedicated to the examination of personality formation during the initiation rites of orphaned children in literary works. The character Sonya Kozlova from Stanislav Vostokov's story "The Goat and the Giants" is used as an example. The aim is to trace the factors that influence the development of a personality in a teenager who has lost parental care and to identify the stages of social and psychological initiation. The tasks include exploring how the concept of initiation is represented in literature and its significance for a child's personality formation, identifying the main stages of social and psychological initiation that the hero undergoes, and their impact on his personal development. As a result of the conducted research, we have reached the following conclusions: initiation is an integral part of Russian culture, and it is reflected in contemporary youth literature; during the initiation process, a child becomes psychologically mature and capable of functioning in the adult world.

Keywords: social initiation, psychological initiation, childhood, ritual, adolescent hero, children's and youth literature, S.V. Vostokov

For citation: Marinchenko A.D., Shabalina N.N., Safina A.R., Sofronova S.A. Social and psychological initiation of orphan heroes in S. Vostokov's story «The Goat and the Giants». *Modern Humanities Success*. 2025. 5. P. 47 – 52.

The article was submitted: February 5, 2025; Approved after reviewing: April 3, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

В современном обществе все чаще наблюдается тенденция к воспитанию людей, недостаточно зрелых для взрослой жизни. Корень этой проблемы, на наш взгляд, заключается не только в отсутствии жизненно важных бытовых навыков у молодого поколения и в смещении понятия «молодой человек» на более поздние годы, продлении так называемого «подросткового возраста». Международная группа психологов и медиков, например, С. Сойер, Д. Маквариш, обращают внимание на то, что современный «период полузависимости» длится дольше, чем ранее считалось, и это связано с социальными изменениями, а не только с биологическими факторами [1]. В российском общественном пространстве также актуализируется подобная тенденция, с 2020 года временные рамки демографического понятия «молодёжь» сдвинулись до возраста 35 лет. Одной из главных причин данных социальных изменений, на наш взгляд, также является отсутствие завершенного инициального обряда, как важного этапа перехода от детства к взрослости, у современных детей и подростков, что затрудняет адаптацию к требованиям взрослой жизни.

В историческом процессе ритуальный обряд инициации укоренился в культурном коде всех наций и осовременился, детей больше не крадут и не подвергают смертельной опасности. В то же время, процессы социальной и психологической инициации проживает каждый молодой человек. Социальная инициация включает переход из одного возрастного класса в другой, вступление в определённую социальную группу или организацию, и т.д. Психологическая инициация может быть связана с личностным ростом, осознанием новых возможностей или преодолением внутренних барьеров. Социальная и психологическая инициация взаимосвязаны: социальная инициация дает человеку новый статус, психологическая инициация – возможность перейти в новое состояние.

Именно благодаря полноценному прохождению инициации человек может измениться, «переродиться», стать полноценным членом общества, комфортно в нем существующим. «Инициация бездоминантна: как внешне – результативная процедура она связана с изменением жизненной пре-

позиции, с социальным продвижением по индивидуально-своебразной траектории от «ничто» к «нечто», как внутренне – результативная – предлагает самостоятельность, личностный рост и обретение себя как «все» [10]. Инициация способствует формированию зрелой личности, способной справляться с вызовами жизни, устанавливать здоровые социальные связи и активно участвовать в жизни общества.

Материалы и методы исследований

Станислав Востоков – современный российский автор детских произведений, поэт и натуралист, который с 1998 года активно публикует свои работы в детских журналах и создает познавательные книги о природе и животных, воспитывающие доброту и бережное отношение к окружающей среде («Кот в ведре. Рассказы о животных», «Не кормить и не дразнить!»).

Соня Козлова – главная героиня книги С. Востокова «Коза и Великаны», девочка сбежавшая из детского дома, который она сама для себя кодирует как «Д2» («мы так детдом зовём, потому что ДД» [5]). Нахождение в детском доме для Сони невыносимо: «у меня два хотения было: убежать из Д2 – это хотение исполнилось, и открыть новый вид животного», «На память из Д2 мне ничего не нужно. Зачем мне о нём помнить?» [5]. Жизнь в детском доме сужает возможности нравственной реализации: главная героиня не чувствует себя человеком в привычном понимании («Мне десять лет, а я ни разу себя не чувствовала человеком») [5]. Соня ни с кем не дружит, своих одноклассников сравнивает с волками и мышами: «Ребята у нас серые, как волки. Нет, скорее, мыши – никто ничего не хочет» [5]. Ассоциативно Коза ставит в один ряд разные анималистические образы: «волк-мышь», так как это колороративно обоснованно. В западных культурах серый цвет может символизировать депрессию, скуку или конформизм, именно такими Соне и казались воспитанники детского дома – «серые» люди, неинтересные, заурядные, посредственные и глупые, потому что ни к чему не стремятся. Девочка чувствовала себя чужой в детском доме, отчужденной от социума, потому что она отличается от детей «д2» у нее есть хобби, интересы (книги, фантазии, увлеченность животными и природой).

Читатель мало знает о том, как Соня попала в детский дом, но, рассмотрев некоторые эпизоды, можно сделать вывод о том, что у девочки никогда рядом не было авторитетной родительской (материнской) фигуры, так как ее настоящая родительница злоупотребляла алкоголем, о чем мы узнаем, когда Коза получает ранение и попадает в некий трансцендентный мир фантазий, через сон: «В Д2 что-то напутали, а настоящая мама никакая не алкоголичка, а хорошая и добрая женщина, которая потеряла своего ребёнка в детстве и вот теперь нашла. Ведь такое же бывает не только в кино... наверное» [5]. Героиня не получает никакой поддержки на протяжении жизни, что усугубляет влияние доминирующей фигуры «ЗэПэ» (воспитательницы), которая totally контролирует любое проявление характера, шалость и неповиновение «А начнёшь дёргаться и жужжать, ЗэПэ прибежит! Злой Паук! Ну... на самом деле Зоя Петровна» [5]. Главная героиня постоянно «зоологизирует» образы людей вокруг себя и на это есть несколько причин. Во-первых, Коза очень любит животных, поэтому ей проще и понятнее воспринимать окружающий мир через паттерны живых существ, которыми она очень увлечена, так как читает множество энциклопедий. Во-вторых, явное кодирование имён отсылает нас к тому, что пространство детского дома лишает воспитанников имени и личности, такие же процессы дехуманизации происходят в тюремном пространстве: заключенные идентифицируются не по имени, а по номеру. Соня, находясь в пространстве, где воспитанники лишены индивидуальности и свободы личности, с одной стороны, теряет свое «лицо», лишена возможности реализовывать свой творческий потенциал, с другой – проходит своеобразный этап социальной инициации, который невозможно завершить без психологической инициации.

Результаты и обсуждения

После бегства из детского дома геройня попадает в лесное трансцендентное пространство, именно с этого момента начинаются инициальные испытания девочки. Для детей, у которых есть семья, лес, деревня и одиночество – вызывают страх и дискомфорт, так, например, часто чувствуют себя герои Татьяны Мастрюковой («Болотница», «Тихие гости» и т.д.) [9], но для детей-сирот, непознаваемый мир природы комфортен, дети чувствуют себя в лесу, тундре, тайге или заброшенной деревне комфортно, потому что настоящего дома они никогда не имели («Не было настроения спорить. Да и стоит ли? У неё и правда была плохая семья. Но теперь-то Козе хорошо. Очень даже хорошо!») [5].

В детском доме Соня мало общалась со сверстниками, зато много читала («Коза любила стихи. Похожие на летучих мышей, они удивительно легко залетали в её голову и оставались там жить», «Нам карманные деньги выдавали. Сто рублей в неделю. Много на них не купишь. Копила полгода. На еду и книги» [5]), рассуждала сама с собой: «ЗэПэ говорит, у меня язык без костей. Будто там у кого-нибудь есть кости! Совсем анатомии не знает», «Я так понимаю, что в мире вообще всё устроено одинаково. Как в «Лего». Из одинаковых деталей можно построить тысячу вещей. И взрослые – они как дети, только больше. И в голове у них больше всяких глупостей» [5]. Читательский опыт Соня реализует называя деревенский дом, в котором собирается жить в Тикан-Тикаде – Гензель. «Гензель и Гретель» (1812) – одна из самых известных немецких народных сказок, записанная и изданная братьями Гримм. Сюжет сказки повествует о приключениях брата и сестры, которые попадают в ловушку к ведьме, живущей в прянничном домике, спасаются от смертельной опасности и потом начинают заботиться о своих родителях. Выбор именно данной сказки явно символизирует, что главная героиня повести «Коза и Великаны» бессознательно реализует феномен парентификации (сдвиг в детско-родительских взаимоотношениях), когда возникает забота наоборот, т.е. не от взрослого к ребенку. Соня, выросшая в детском доме и не имевшая наглядных «здравых» взаимоотношений взрослый – ребенок, отторгает деформирующую личность модель отношений с ЗэПэ, бежит из «Д2», что, на наш взгляд, связано с попыткой героя сепарироваться от враждебного мира и войти в новый социальный статус – взрослого человека. Неслучайно Коза акцентирует внимание именно на имени – Гензель, в ситуации которого реализована идея «метафорической смерти»: ведьма откармливает мальчика, чтобы потом съесть.

В процессе инициации подросток знакомился с миром духовных ценностей и законами человеческого общества, узнавал мифы и священные традиции племени, имена богов и историю их действий, а также правила поведения взрослых. Геройня любит читать, это в некотором роде присвоение себе опыта всего человечества. Для Козы чтение книг – это способ понять окружающий ее мир и выстроить правильную траекторию взаимодействия с ним: «Как делать солнечные часы Коза вычитала из энциклопедии в библиотеке Д2», она хочет стать биологом и многое знает о животных: «Хотя зелёных медведей не бывает. Есть бурые, чёрные, белые, даже очковые, но зелёных пока не замечено. А вот ленивцы да, те бывают и зелёные, но это

другое семейство млекопитающих», «Чем отличаются ласточки от стрижей?... – Хвостом! Это каждый дурак знает! А если не знает, то он дурак в квадрате! Или в круге. Или в пятиугольнике! Как ЗЭПЭ. Потому что как можно не знать таких простых вещей?» [5].

Лес (тундра) в повести представлен как медитативное пространство: «под ногами у Козы двигалась бесконечная земля, покрытая мхом, лишайником и травой – словно жёлто-красно-зелёной шерстью» [5]. Лес встречает герояню радушно, на пути ей попадаются грибы, различные ягоды.

В поисках пропитания Соня даже несколько раз задумывается об убийстве птицы, но не решается на этот шаг: «Коза сразу поняла – присматривается к севшим у полярной берёзки тетереву... Коза и сама на них поглядывала, отчётило ощущая во рту вкус куриной корочки. Коза щёлкнула по щеке и поклялась не засматриваться с подобными мыслями на птиц» [5]. Мальчик Ваде приносит ей куропатку, разделка птицы становится сильным моральным потрясением для ребенка: «– Ты говорила, что не можешь убивать. Так это уже сделали за тебя. Осталось только... – Коза поморщилась. – Выпотрошить. О, Господи!», «Но самое ужасное было впереди, нужно было отрезать куропатке голову. Коза кое-как собралась с духом, отвернулась, зажмурилась и щёлкнула ножницами. Потом открыла глаза, села на стул и заплакала...» [5]. Данный эпизод в контексте обряда перехода можно рассматривать как инициальную жертву. Девочка, конечно, не убивает птицу, но она лишает её принадлежности к живому миру. Можно заметить, что именно в этот момент у Козы не остается сил на фантазию, на бегство от реальности, подобное романтическое бегство защищает психику девочки от травмирующих психику событий, которые она переживает: «Коза плакала минут десять. Гензель пытался её успокоить, поглаживая по голове лохмотьями занавесок. Хотя, наверное, их просто трепал поднявшийся на улице тёплый ветер» [5]. Инициальный обряд в ритуальной традиции неразрывно связан с трансформацией, очищением души, перерождением. Можно говорить о том, что Соня приносит куропатку в жертву, чтобы переродиться и плачет, стремясь очиститься, искупить свою вину перед живым существом. Девочка ведет себя в данной сцене очень повзрослому, она понимает, что никто ей не поможет, не пожалеет, она никогда не видела к себе нежного отношения, поэтому успокаивает себя самостоятельно, как взрослая: «– Ну и чего ты нюни развесила? Она же дохлая! Понимаешь, дохла-я! И как ты, интересно, собираешься стать биологом? С такими нервами. Рехнёшься и всё! Тебе,

милая, в художники надо! Или в поэты» [5]. Соня себя не жалеет, а ругает, она не дает себе возможности побыть ребенком, потому что она никогда себя так не ощущала у нее не было любящей семьи, были только злобная ЗЭПЭ и Д2.

В лесном пространстве девочки также сталкивается с физическими и моральными испытаниями: «Она бежала минут двадцать, спотыкаясь и перескакивая через камни, которые стали во множестве возникать на её пути. Раза два она падала, пойманная сплетением травяных стеблей, поднималась и снова бежала, не обращая внимания на ссадины» [5]. Метафорическое перерождение подростка во время ритуала инициации можно рассматривать как процесс символической смерти-возрождения. Данный обряд включает в себя отказ от прежней идентичности и принятие нового себя, что может быть болезненным, так как инициация, как правило, всегда сопряжена со страхом и болью. В повести Востоков показывает читателю как постепенно происходит трансформация идентичности и «рождение» новой Козы через страх, боль и испытания: «Коза попыталась резко остановиться, споткнулась и рухнула на колени. Ей показалось, что коленные чашечки разбились, словно фарфоровые. Но плакать не время! Она вскочила и бросилась назад», «Брючины намокли от крови, текли слёзы и сопли, но Коза не пыталась вытереть лицо» [5].

Еще одним немаловажным компонентом инициальной обрядности в повести «Коза и Великаны» выступает мотив сна. Исторически сновидения предшествовали появлению культуры посвящения, так как содержали закодированную информацию о переходе из одного статуса в другой. Девочка подружилась с живой горой Гирдой и узнала, что это путешествующая во времени гора. Последний временной «прыжок» произошел из-за того, что люди охотились на мамонтов и почти истребили их. Коза решает во что бы то ни стало помочь Гриде защитить мамонтов от браконьеров и сохранить их вид: «– Вы что! Что вы делаете!... – Нельзя! Нельзя!» [5]. Соня получает ранение, что приводит к погружению в символический сон, где девочка встречается с проводником-дедушкой, который рассказывает о «корочках»: «Жизнь тебя пекла, пекла и появилась на тебе корочка, как на хлебушке. Вот из-за неё ты и не чувствуешь, как тебя все любят!» [5]. В фольклорной традиции славянских народов существовал обряд «перепекания», который включал в себя символическую смерть человека в определенном его состоянии (например, слабого или недоношенного ребенка) и возрождение в новом качестве – здорового и сильного. Это напоминает процесс инициации, где че-

ловек проходит через символическую смерть старой идентичности и рождается в новом качестве. Дедушка объясняет девочке, чтобы любить и чувствовать любовь других нужно «чистить эту кочечку» («А вот как мы пригорелое с хлебушка счищаем? Ножичком скоблим. – Это же больно! – Что поделать, радость моя! Иначе ты будешь всю жизнь думать, что все только и мечтают сделать тебе плохо») [5]. В этом же сне девочка встречается с женщиной, которую принимает за свою маму, она бежит к ней, плачет, разрешает называть полным именем, но девочке сложно принять свою «слабость»: «Господи, что я делаю, дура! Как маленькая!» – мелькнуло в голове у Козы» [5]. Соня всю жизнь не имела возможности ощущать себя ребенком, она никому не была нужна, именно поэтому она так странно реагирует на появление материнской фигуры во сне. Можно предположить, что в своем метафорическом сне Соня встречается с «мамой» не только потому, что всегда мечтала о родительской любви, но и потому что в данном эпизоде девочка прошла инициацию и заново «переродилась», а рождение всегда связано с образом материнства.

Выводы

Главная героиня произведения Станислава Востокова полноценно прошла инициацию:

Социальную: от «отделенной» от общества девочки, до ребенка, который готов коммуницировать с окружающим миром. Соня смогла подружиться с Гридой, с Вадэ и его семьей. В детском доме Коза не стремилась сближаться со сверстниками, сравнивая их со скучными серыми мышами, но, завершив социальную инициацию, девочка

научилась понимать и принимать окружающих, нашла друзей и семью, которых она принимает такими, какие они есть, избавилась от социальных барьеров.

Психологическую: благодаря большим моральным потрясениям в лесном пространстве (тайге) девочка пережила катарсис своей личности, морально выросла, научилась принимать цикличность жизни. Героиня реализовалась с помощью своего увлечения «Коза вырастет и станет известным учёным. Иногда мечты сбываются, если их, подобно зёрнам бросить в подходящую почву и правильно за ними ухаживать» [5]. Также, важно отметить, что девочка назовет новый вид животных, которых сама открыла не своим именем, как всегда мечтала, а именем своей подруги – Гриды. Пережитые в детстве события, очень сильно психологически повлияли на девочку и сформировали ее личность.

Ритуальную: Коза прошла все три стадии инициального обряда (сепарацию, метафорическую смерть и перерождение в мире взрослых), девочка совершила ритуальную жертву, пережила множество эмоциональных и физических испытаний, переродилась (эпизод с «перепеканием» девочки), научилась многому (ритуальное усвоение знаний о мире) и приняла новую, взрослуую себя.

Таким образом, инициация героев-сирот в произведениях – это не только отделение от родителей, прохождение ритуалов и взросление через приобретение ответственности и гуманности, но и постепенное обретение всех частей человеческой личности.

Список источников

1. RTVI («Ар-ти-ви-ай»): [международное мультиплатформенное СМИ] / гл. ред. Гусев В. Москва 1997-2023. URL: <https://rtvi.com/news/8792/> (дата обращения: 23.01.2025)
2. Афанасьева О.В. Ведущие мотивы XVIII столетия в американской литературе // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. С. 7 – 15.
3. Баранова К.М., Афанасьева О.В. Мотивы свободы и равенства в публицистике Б. Франклина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 2 (38). С. 8 – 18.
4. Вишнякова Е.П., Карпухина Т.П. Языковая презентация феномена инициации в новелле Г. Уэллса "Страна Слепых" // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 484 – 487.
5. Востоков С.В. Издательский дом „Волчок“, 2024 192 с. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.labirint.ru/books/1012841/> (дата обращения: 23.01.2025)
6. Даренский В.Ю. Интертекст инициации в структуре литературного произведения // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. / сост.: Г.Г. Исаев, А.А. Боровская, Т.Ю. Громова, И.Ю. Целовальников; под ред. Е.Е. Завьяловой. Астрахань: Астраханский университет, 2018. С. 17 – 25.
7. Зимина И.С. Современный вариант инициации в процессе взросления подростков // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 75 – 82.

8. Королева С.Б., Ковалева М.Ю. Многоголосие и жажда счастья: образ детства в романе Ш. Бронте "Джейн Эйр" // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. № 4. С. 90 – 99.
9. Marinchenko A.D. Initial code of modern teenage prose (based on the works of T. Mastryukova) // Язык и культура в современном мире: сборник материалов Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием (Челябинск, 27-29 апреля 2023 г.) / гл. ред. Н.Э. Сейбель; отв. ред. Я.О. Шебельбайн. Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. 868 с. С. 75 – 84.
10. Мулляр Л.А. Социально-онтологические смыслы фольклорно-сказочной инициации // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 64 – 66.

References

1. RTVI ("R-ti-vi-ai"): [international multi-platform media]. editor-in-chief V. Gusev. Moscow 1997- 2023. URL: <https://rtvi.com/news/8792/> (date of access: 23.01.2025)
2. Afanasyeva O.V. Leading motives of the 18th century in American literature. Today and always: current problems of literary criticism, linguistics and linguodidactics: Collection of scientific papers on literary criticism, linguistics, linguodidactics, dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology at the Institute of Foreign Languages of Moscow State Pedagogical University Ksenia Mikhailovna Baranova. Moscow: Limited Liability Company "Languages of the Peoples of the World", 2023. P. 7 – 15.
3. Baranova K.M., Afanasyeva O.V. The motives of freedom and equality in the journalism of B. Franklin. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2020. No. 2 (38). P. 8 – 18.
4. Vishnyakova E.P., Karpushina T.P. Language representation of the phenomenon of initiation in the short story by H.G. Wells "The Country of the Blind". The world of science, culture, education. 2021. No. 2 (87). P. 484 – 487.
5. Vostokov S.V. Publishing house "Volchok", 2024 192 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.labirint.ru/books/1012841/> (date of access: 01.23.2025)
6. Darenky V.Yu. Intertext of initiation in the structure of a literary work. Intertextuality of artistic discourse: materials of the All-Russian scientific conf. compiled by: G.G. Isaev, A.A. Borovskaya, T.Yu. Gromova, I.Yu. Tselenvalnikov; edited by E.E. Zavyalova. Astrakhan: Astrakhan University, 2018. P. 17 – 25.
7. Zimina I.S. Modern version of initiation in the process of growing up of adolescents. Pedagogical education in Russia. 2010. No. 2. P. 75 – 82.
8. Koroleva S.B., Kovaleva M.Yu. Polyphony and thirst for happiness: the image of childhood in the novel by Sh. Bronte "Jane Eyre". Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 90– 99.
9. Marinchenko A.D. Initial code of modern teenage prose (based on the works of T. Mastryukova). Language and culture in the modern world: collection of materials of the All-Russian scientific and practical student conference with international participation (Chelyabinsk, April 27-29, 2023). ed.-in-chief N.E. Seibel; ed. exec. Ya.O. Shebelbain. Chelyabinsk: ZAO "A. Miller Library", 2023. 868 p. P. 75 – 84.
10. Mullyar L.A. Social and ontological meanings of folklore-fairy-tale initiation. Theory and practice of social development. 2011. No. 1. P. 64 – 66.

Информация об авторах

Маринченко А.Д., Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета
Шабалина Н.Н., кандидат филологических наук, доцент, Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, nadezhada_85@mail.ru

Сафина А.Р., Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета

Софронова С.А., преподаватель, Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета

© Маринченко А.Д., Шабалина Н.Н., Сафина А.Р., Софронова С.А., 2025